

УДК 929
EDN XMQPBG

Шайхулла Алкин: судьба молодого татарина в эпоху катастроф (к 130-летию со дня рождения)

Д. М. Усманова,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Shaihullah Alkin: The Fate of a Young Tatar in an Era of Catastrophes (to the 130th birthday)

D. M. Usmanova,

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

Статья посвящена биографии Шайхуллы Алкина (1895-1921) и приурочена к 130-летию со дня рождения. Шайхулла Алкин, принадлежавший к знаменитому казанскому роду Алкиных, но к ее «крестьянской ветви», был в числе татарской молодежи, чье отрочество пришлось на последнее предвоенное десятилетие, а вхождение во взрослую жизнь – на период революций и войн, а также кардинальной смены режима. В этих непростых условиях Шайхулла Алкин проявил значительную активность в общественных делах – сначала в рамках зарождающегося татарского студенческого сообщества, затем в национальном движении мусульманских народов бывшей Российской империи. В частности, в 1917-1918 гг. он принял участие в работе национальных съездов и совещаний, активно участвовал в разработке и обсуждении проектов культурно-национальной и территориальной автономий, выступил против Советской власти и пр. Однако биография Шайхуллы Алкина интересна не только как пример персональной общественно-политической активности. Судьба героя данного очерка является и уникальной, и одновременно довольно типичной и показательной для последнего предреволюционного поколения татарской образованной молодежи.

Abstract

This article is devoted to present the biography of Shayhulla Alkin (1895-1921) and dedicated to the 130th birthday. While the Alkin family was famous in Kazan, Shaikhulla Alkin belonged to its “peasant branch”. He was a representative of the Tatar youth whose adolescence fell into the last pre-war decade, and who became adults in a period of revolutions, wars, and radical regime change. In these difficult conditions, Shayhulla Alkin showed a significant in the public affairs – first within the framework of the Tatar student organizations and then in the national movement of the Muslim people of the former Russian Empire. In particular, in 1917-1918 he took part in the work of the

national congresses and meetings, actively participated in the development and discussion of the projects of the cultural, national and territorial autonomy, opposed the Soviet authorities. However, the biography of Shayhulla Alkin is not only interesting as an example of the personal social and political activity. His short but bright life path is both unique and at the same time quite indicative for the fate of the pre-revolutionary generation of the Tatar educated youth.

Ключевые слова

Шайхулла Алкин, татарское студенчество, национальное движение, Национальное собрание, Гражданская война.

Keywords

Shayhulla Alkin, the Tatar students, the National Movement, the National Assembly, the Civil War.

Герой данного очерка – Шайхулла Алкин – прожил жизнь яркую, но короткую. Жизнь, полную надежд и планов, событий и переживаний, подъемов и спадов. Судьба его тесно переплетена с национальным движением периода двух революций 1917 г. и Гражданской войны. Принято считать, что революция – дело молодых. Февральская революция действительно открыла для молодого поколения небывалые возможности для карьерного или общественного роста, опьянив на короткое время воздухом свободы. Впрочем, большевики очень быстро «захлопнули» это «окно», сделав возможным лишь два исхода: безоговорочное принятие Советской власти или изгнание. Шайхулла Алкин был в числе очевидных противников Октябрьской революции и Советской власти, поэтому трагический финал его судьбы был отчасти предопределен.

Впрочем, даже выбор первого пути не гарантировал благополучия, свидетельством чему выступают судьбы близких друзей и единомышленников из окружения героя данной статьи.

Излом, вызванный революциями, мировой и гражданскими войнами и последовавшими за этим переменами, прошелся по судьбам последнего предреволюционного поколения татарской молодежи: среди них Ильяс Алкин, Галимджан Шараф, Ибрагим Аитов, Мустафа Сейфульмулюков и Мустафа Тюменев, Халиулла Ш. Еникеев и др. Практически все они выступают в данном очерке

*Шайхулла Алкин. Не ранее 1917 г.
Из личного архива Н. М. Сафиной
(Усейновой).*

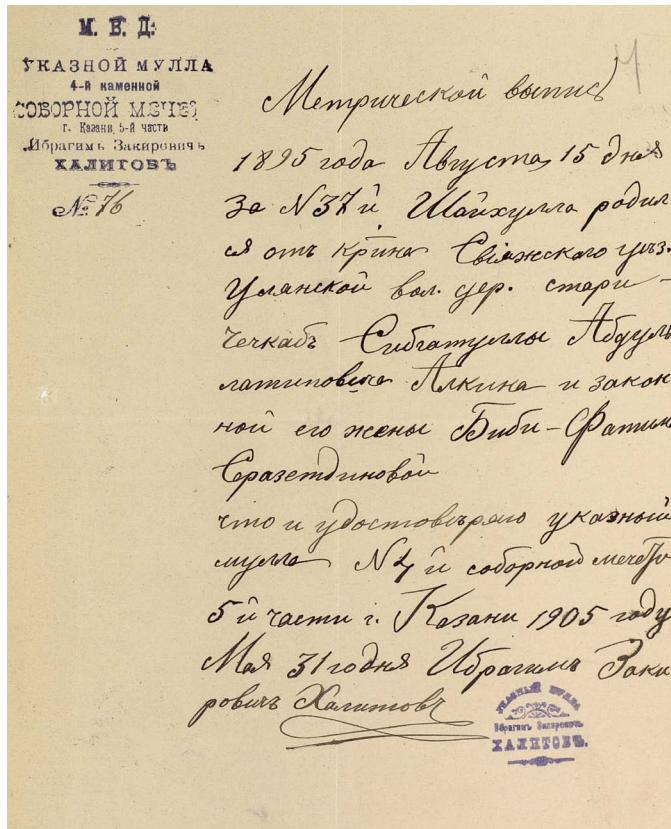
Shayhulla Alkin. Not earlier than 1917. From the personal archive N. M. Safina (Usejnova).

в качестве «исторического контекста» и близкого окружения нашего героя. Шайхулла Алкин, чья судьба отражает всю трагичность той эпохи, полной самых противоречивых тенденций и свершений, остался ярко вспыхнувшей, но так быстро погасшей «звездочкой» из поколения, подававшего большие надежды на национальный ренессанс.

Ровно 30 лет назад, в 1995 г., в год столетия, увидела первая версия моей статьи о Ш. Алкине¹. Она стала не только первой за долгие годы публикацией о нем, но и осталась по сути единственной работой. Однако за эти десятилетия были выявлены новые документы, как архивные, так и личного происхождения, что позволяет вновь обратиться к судьбе этой неординарной личности.

Алкины: корни и контуры родословной, родственные связи

Шайхулла Алкин родился 15 августа 1895 (или же, по некоторым сведениям, в 1893) г. в Казани, однако был приписан к крестьянскому сословию, т. к. его отец происходил из крестьян села Старые Чечкабы Свияжского уезда Казанской губернии². Интересно, что в официальных документах мы встречаем расхождения как по точной дате, так и по месту рождения. Хотя в ряде официальных документов местом его рождения указана деревня Старые Чечкабы, однако сам Шайхулла считал своей родиной именно Казань. Об этом же свидетельствует не только автобиография, но и метрическая выписка за подписью имама 4-й мечети г. Казани Ибрагима Закировича Халитова. С Казанью была связана большая часть его, в целом, недолгой жизни.

Метрическая выписка
о рождении Ш. Алкина.
1905 г. ГА РТ, ф. 120, оп. 1,
д. 2, л. 4.

The Metric birth certificate
W. Alkin. 1905. The National
Archive of the Republic of
Tatarstan, fond 120, series 1,
file 2, p. 4.

*Метрическая выписка
о рождении Ш. Алкина.
1913 г. ЦГА Москвы,
ф. Р-489, оп. 3, д. 270, л. 11.
Копия.*

*The Metric Birth Certificate
of S. Alkin, 1913. The
Central State Archive of
Moscow, fond R-489, series
3, file 270, p. II. Copy.*

Аналогичные расхождения есть и в отношении года рождения. Например, в двух метрических выписках, которые сохранились в архивах, дата рождения указана с разницей в два года: в метрике, поданной в Казанское коммерческое училище, как год рождения указан 1895³, тогда как в аналогичном документе 1913 г., поданном в Московский коммерческий институт⁴, мы видим уже 1893 г. Можно было бы сделать скидку на опечатку или невнимательность имама, однако «неверная» дата подтверждается и другими документами казанской поры (справкой врача и пр.). Это расхождение может объясняться как сознательной дезинформацией, так и обычным для России небрежным ведением документации. Но наиболее часто указываемой датой рождения является 1895 г., который можно было бы принять за основу.

О представителях данной ветви рода Алкиных, в отличие от дворянской ветви, написано немного. Наиболее известным из них был крестьянин Габдуллатиф Алкин (1817 – после 1882 г.), который, будучи муэдзином села Старые Чечкабы, в середине 1860-х гг. участвовал в движении за возвращение крещеных татар в ислам⁵. В итоге за подстрекательскую деятельность он был арестован и решением министра внутренних дел от 28 января 1867 г. выслан в Туруханский край Восточной Сибири. По-видимому, срок ссылки был определен в 10 лет. В 1879 г. он перебрался в Енисейскую губернию, а чуть позднее

обосновался в Томске, где в августе 1881 г. получил статус томского мещанина и приписался к местной мещанской общине⁶.

В мае 1882 г. Габдуллатиф Алкин ходатайствовал о выдаче ему разрешения на проезд во «внутреннюю» Россию сроком до года, т.к. по словам просителя, возникла необходимость посещения родной Казанской, а также Самарской и Симбирской губерний. По бюрократической традиции прошение обросло бумажной перепиской, из которой можно извлечь определенную информацию. В части выписки из «статейного списка на ссыльнопоселенца Енисейского округа, Яланской волости, деревни Горской Абдуллы Алкина» мы встречаем словесное описание его внешности: «рост 2 аршина 5,5 верш[ка]⁷, волосы на голове седые, брови черные, на лице борода седая, нос, рот, зубы, подбородок обыкновенные, лицо чистое; особая примета: около уха родинка»⁸. Безусловно, это описание довольно схематично и не может заменить собой более точного фотографического изображения.

Из справки старосты мещанской общины г. Томск мы узнаем, что в начале 1880-х гг. новоиспеченный «томский мещанин из ссыльно-переселенцев» проживал в «Юрточной части, за Истоком, у купца Небыши Аплина». На тот момент времени он был «поведения хорошего, подати и налоги уплачивал сполна и ни в чем предосудительном» не замечен. В силу солидного возраста (65 лет в 1882 г.) никаких особых официальных занятий у главы семейства не отмечено.

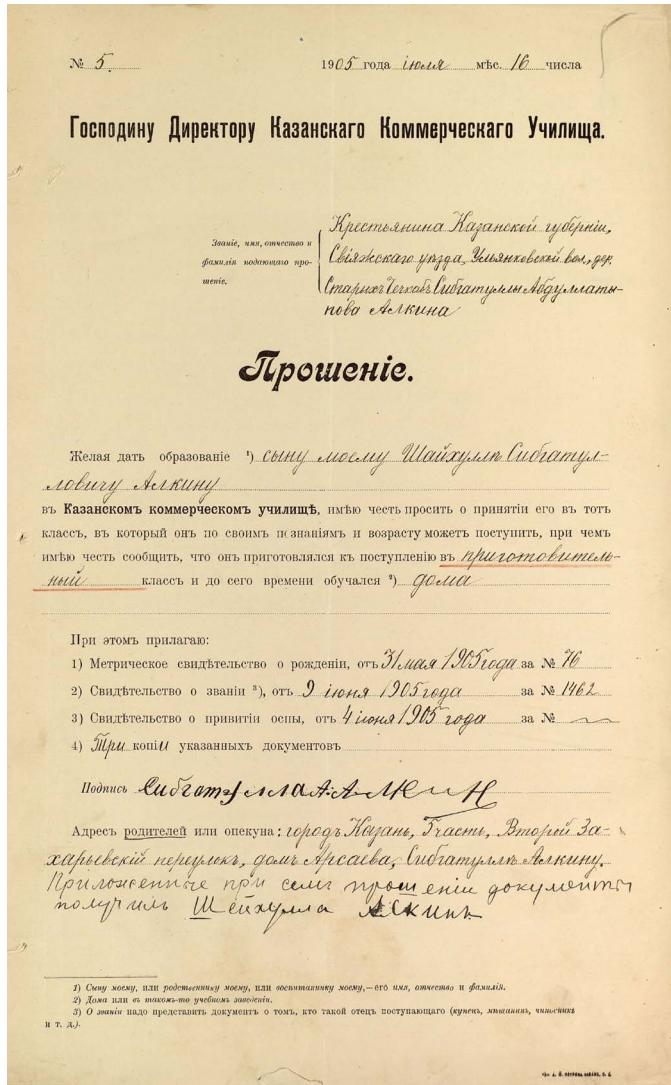
В момент подачи прошения Габдуллатиф Алкин был женат третьим браком. О первой семье информации нет. В Сибири Г. Алкин проживал вместе с женой

Гайнекамал [Абдулбакировой] (52-х лет) и сыном Фаттахетдином (24-х лет). Помимо этого, на родине в Казанской губернии у него остались вторая жена Сазида Мустафина (48 лет) и сын Валиахмет (26 лет)⁹. В литературе встречается информация, что Валиахмет (Ахмет) Алкин (по некоторым документам Валиахмет Габдуллатыпов) родился 25 января 1858 г. Вероятно после ареста и высылки главы семейства малолетний Валиахмет оказался в с. Альмендерово (Элмэндэр) (ныне Апаставский район РТ) в семье местного имама (где-то с 1870 г.). А уже с 1881 г., когда ему исполнилось 22 года и по закону он получил законное право на исполнение обязанности имама, он фигурирует в местных метрических книгах именно как второй имам сельской мечети. Эти обязанности он исполнял, судя по всему, до революции или же даже вплоть до начала 1920-х гг.¹⁰

Фаттахетдин и Фатыма Алкины.
Томск, 1912 г. Из личного архива
Н. М. Сафиной (Усейновой).

Fattaheteddin and Fatyma Alkina. Tomsk,
1912. From the personal archive
of N. M. Safina (Usejnova).

Прошение Сибгатуллы Алкина о принятии его сына Шайхуллы в число учеников Казанского коммерческого училища.
 1905 г. ГА РТ, ф. 120, оп. 1, д. 2, л. 5.

The Application of Sibghatullah Alkin for the acceptance of his son Shaihulla among the students of Kazan commercial school. 1905. The National Archive of the Republic of Tatarstan, fond 120, series 1, file 2, p. 5.

Далее из переписки следует, что сосланный по решению МВД Габдуллатиф Алкин не был лишен «прав состояния», а потому сохранил право передвижения по «внутренней России». Поэтому ему было выдано испрашиваемое разрешение сроком на один год. Более в упомянутом документе нет никаких свидетельств о том, смог ли проситель воспользоваться этим разрешением и какова была его дальнейшая судьба.

Судя по комплексу косвенных данных, для героя данного очерка упомянутый в архивных документах Габдуллатиф являлся дедушкой по отцовской линии. Возможно, Сибгатулла был его старшим сыном. По всей видимости, после высылки опального муэдзина из Казанской губернии дети от первых двух браков остались проживать в селе Старые Чечкабы, тогда как сын от третьего брака Фаттахетдин обосновался в г. Томске. По сохранившимся фото-свидетельствам, томские и казанские потомки Габдуллатифа сохраняли довольно тесные контакты: в 1912 г. Фаттахетдин с супругой Фатымой подарили своему племяннику

фотографию с трогательной надписью. Позднее, в период Гражданской войны, Шайхулла мог найти временный приют в доме своих томских родственников.

Что касается отца Шайхуллы, то Сибгатулла Абдуллатыпович уже в конце XIX столетия поселился с семьей в Казани, где занимался торговой деятельностью. Тем не менее, Сибгатулла с женой Биби-Фатымой Серазетдиновой и детьми продолжали числиться крестьянами деревни Старые Чечкабы. В 1888 г. в семье рождается дочь Сулурзиган, а в 1895 г. – сын Шайхулла. О Сибгатулле Алкине известно немного: в конце XIX столетия он занимался торговлей в Средней Азии, потом в Казани, совершил хадж (его имя упоминается с приставкой хаджи), дружил с Галимзяном Баруди. По словам последнего, его приятель довольно долго болел душевным недугом и скончался еще до революции 1917 г.¹¹ Однако судя по собственноручной подписи на прошении о принятии сына в ученики в Коммерческое училище, в 1905 г. Сибгатулла был еще жив.

В литературе (Исмагил Рамиев со ссылкой на Шигабутдина Марджани) также встречается предположение о родстве между различными представителями рода Алкиных – крестьянами Свияжского уезда, с одной стороны, и дворянами Казанской и Уфимской губерний, с другой¹². Такое родство вполне вероятно и отражает сложные социальные процессы в татарском обществе в XVIII столетии, когда потомки одного рода могли оказаться в разных сословиях, а факт дальнего родства отражен только в сохранении общей фамилии. Аналогичные примеры встречаются среди Еникеевых, Терегуловых и др.

Самые знаменитые представители казанской ветви дворянского рода Алкиных – Шагиахмет, Саид-Гирей и Ильяс – во второй половине XIX – начале XX столетия проживали в Казани, хотя их родовые владения были в Заказанье. Пока сложно установить точную степень родства Шайхуллы и Ильяса Алкина (28.11.1895-27.10.1937)¹³, но обоих сближает то, что «звездный час» их политической карьеры приходится на 1917-1918 гг. Оба молодых Алкиных, подававших большие надежды («өметле егетләр»), приняли самое активное участие в национальном движении в период революционного подъема и играли в нем ключевую роль. Финал жизни обоих оказался весьма трагичным: один ушел из жизни добровольно, прах другого покончился в общей могиле жертв политических репрессий.

Шайхулла Алкин (стоит слева) с одноклассниками по Коммерческому училищу. Казань, 1905-1906 гг. Из личного архива Н. М. Сафиной (Усейновой).

Shayhulla Alkin (standing on the left) with his classmates of the Commercial School. Kazan, 1905-1906. From personal archive N. M. Safina (Useynova).

Детство, отрочество и казанское окружение Шайхуллы Алкина

*Сулурзиган Усейнова с дочерью Муршидой.
Казань, 1914-1915 гг. Из личного архива
Н. М. Сафиной (Усейновой).*

*Suzurzian Usinova with her daughter
Murshid. Kazan, 1914-1915. From the
personal archive of N. M. Safina (Usejnova).*

и детей у него не было, именно потомки его сестры сохранили в семейном архиве некоторые документы и прежде всего ценные фото-свидетельства той эпохи, публикуемые в данной статье.

Окружение Сибгатуллы Алкина было представлено, таким образом, по преимуществу торговым сословием. В частности, его зять Ш. Х. Усейнов до революции занимался торговлей мануфактурой и даже в начальный период НЭПа (до 1925 г.) обладал патентом 1-го разряда. В советское время он работал продавцом на складе Татпромторга. 25 декабря 1937 г. Ш. Х. Усейнов был арестован органами НКВД и 6 января 1938 г. за контрреволюционную пропаганду осужден на 10 лет лишения свободы. Среди обвинений были «религиозный фанатик, провокационная, пораженческая агитация»¹⁷. Судя по следственному делу, бывший торговец крайне негативно относился к Советской власти и даже надеялся на скорое ее свержение. В частности, некоторые из его «крамольных» фраз звучали следующим образом: «сейчас коммунисты борются друг с другом,

Как писал Шайхулла Алкин в своей краткой автобиографии, вскоре после его рождения семья переехала в Среднюю Азию, где около пяти лет проживала в Самарканде. В конце 1890-х гг. семья Алкиных возвращается в Казань и обосновывается, вероятно, в Старо-Татарской слободе (махалля 4-й мечети).

Приблизительно в 1900 г., в 5-7-летнем возрасте Шайхулла был отдан в лучшее из новометодных мектебе Казани при медресе «Мухаммадия»¹⁴. После пяти лет учебы в мектебе/медресе он поступил в Казанское коммерческое училище Министерства торговли и промышленности (август 1905 – май 1913 г.)¹⁵.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Родная сестра героя данного очерка – Сулурзиган¹⁶ (1888-1945) – ориентировочно в начале 1910-х гг. вышла замуж за Шакирзяна Хисамутдиновича Усенирова (1885-1938?), который, вероятно, был знаком с Алкиными еще с юности. У супругов Шакирзяна и Сулурзиган Усениновых (Усейновых) было двое детей: дочь Муршида (1913-1948) и сын Мухамет (1915-2008). Поскольку жизнь Шайхуллы оказалась короткой, а семьи

обвиняют во вредительстве, когда читаешь такие вести, радуешься, что они уничтожают друг друга...», «...гибель Совласти неизбежна, тогда снова вы и мы начнем свое дело». Очевидно, потеряв после революции свой бизнес, оставаясь «лишенцем» и чужаком, он не мог испытывать к новым «хозяевам жизни» теплых и искренних чувств, надеялся на скорую смену режима. Однако Ш. Х. Усейнов закончил свою жизнь в лагерях и точная дата его гибели неизвестна.

Круг общения Шайхуллы не был ограничен лишь родственниками, включая Шакирзяна Усейнова (на даче которого на р. Каме в 1910-х гг. он обычно проводил летние каникулы). Известно, что среди его близких друзей-приятелей казанского периода были Ибрагим Аитов (18.09.1892, Казань – 21.10.1974, Ростов-на-Дону), Гали Рахим (Мухаммед-Гали Абдрахимов, 4.11.1892, Казань – 3.03.1943, Казань), Галимджан Шараф (29.12.1896, Казань – 13.01.1950) и др. Первые двое были его одноклассниками по Коммерческому училищу, а последний – младшим братом Шахара Шарафа, учителя и наставника по медресе «Мухаммадия».

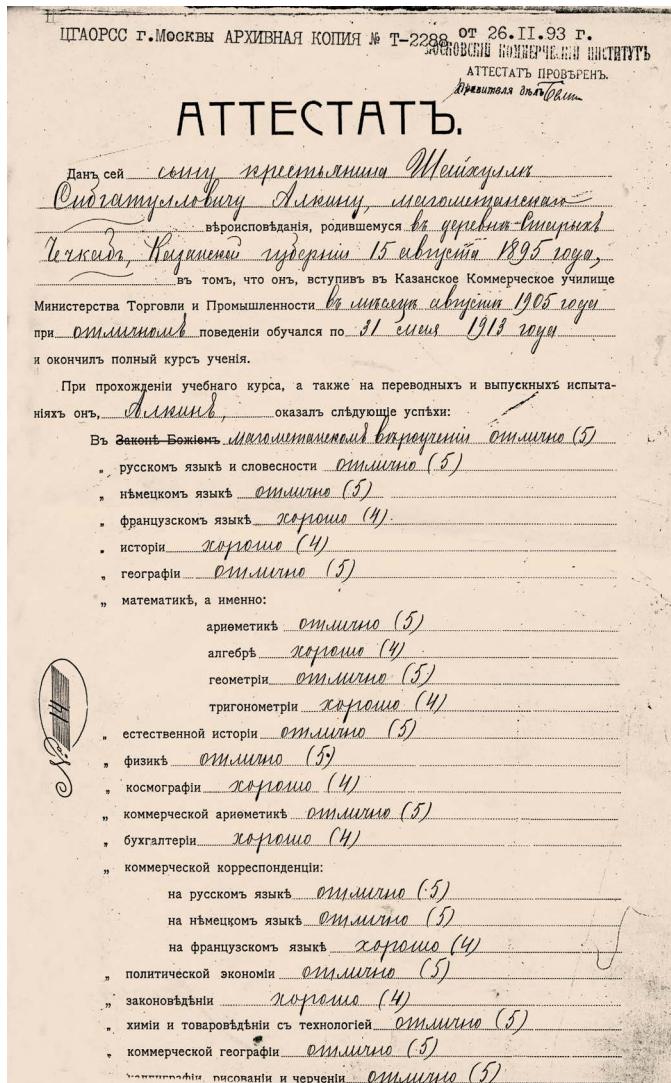
В целом, о годах детства и юности Шайхуллы известно немного. Архивные документы из фонда Казанского коммерческого училища не слишком информативны, однако позволяют пролить свет на некоторые черты характера и способности нашего героя. Судя по оценкам, Шайхулла был одним из самых способных учеников училища из числа татар. Очевидно, что в первый год обучения (приготовительный класс) он, как и многие другие ученики-татары, испытывал проблемы с русским языком. Однажды в «кондуите» (журнал записи провинностей и недочетов учеников) было отмечено недостаточное владение им русским языком (2-й класс), однако это практически единственное замечание в плане учебы¹⁸. Оценки же в целом были положительные и преимущественно отличные, за исключением низких оценок (удовл.) по русскому языку и истории в отдельные годы. Однако переводные экзамены из класса в класс Шайхулла сдавал всегда на отлично и в целом эта отметка была доминирующей в его аттестате. По-видимому, учеба в целом ему давалась легко (особенно в сравнении с одноклассниками – Ибрагимом Аитовым и Гали Рахимом¹⁹).

В начальных классах и в подростковом возрасте учителя отмечали его непоседливый характер. «Много шалит, дурачится на переменах, а иногда и на уроках» (1-3 классы), «дерется на переменах», «беспокойно ведет себя

Шайхулла Алкин (слева). Казань, 1913 г. Из личного архива Н. М. Сафиной (Усейновой).

Shayhulla Alkin (left). Kazan, 1913. From the personal archive of N. M. Safina (Usejnova).

Аттестат Шайхуллы
Алкина. 1913 г.

ЦГА Москвы, ф. Р-489,
оп. 3, д. 270, л. 12. Копия.

The Certificate of Shaihulla
Alkin. 1913. The Central
State Archive of Moscow,
fond R-489, series 3, file 270,
p. 12. Copy.

на уроках», «регулярно болтает, мешая заниматься» (7-й класс) – такого рода замечания время от времени заносились в упомянутый журнал. По-видимому, «излишняя разговорчивость» объяснялась тем, что ему бывало скучновато на уроках, т. к. материал давался легко и усваивался хорошо. В старших классах появляются замечания о дерзости и недостаточной почтительности к учителям, что тоже вполне объяснимо для подросткового и юношеского возраста. В целом, Шайхулла Алкин учился легко и вполне успешно, а выпускные экзамены были сданы на отлично и хорошо²⁰.

Успешно закончившие коммерческое училище удостаивались звания кандидата коммерции, что предоставляло им, наряду с выпускниками реальных училищ, право поступления в профильное высшее учебное заведение, за исключением классических университетов. Осенью 1913 г. Шайхулла Алкин подает прошение на экономическое отделение Московского коммерческого института (МКИ)²¹.

Перед отъездом в Москву закадычные друзья – Шайхулла Алкин, Галимджан Шараф и Ибрагим Аитов, также намеревавшийся продолжить образование в столице, обменялись своими фотографиями. Два фотографических снимка с посвящениями в адрес Ибрагима Аитова сохранились в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского (ОРРК НБ КФУ).

Примечательно, как по-разному, но в то же время по сходной трагической траектории сложилась судьба друзей. Сыновья известного татарского купца Сулеймана Аитова, Ибрагим и Юсуф, также обучались в Казанском коммерческом училище (соответственно в 1905-1913 и 1906-1912 гг.), однако в отличие от Шайхуллы братья Аитовы – типичные мажоры своего поколения – не отличались ни исключительными способностями, ни прилежностью или усердием, постоянно удостаиваясь замечаний и нареканий со стороны учителей, в итоге с трудом завершив обучение на удовлетворительные оценки. Одноклассник и закадычный друг Шайхуллы – Ибрагим Аитов, в 1913 г. также поступил на экономическое отделение МКИ. Как и Шайхулла, Ибрагим не смог завершить образование и был отчислен 5 июня 1918 г. «за неявку в срок». Позднее, в Советской России дважды арестовывался (в 1929 и 1940 гг.), отбыв в заключении не менее 13 лет²².

Еще более трагичная судьба была у Гали Рахима, который в 1920-х гг. стал выдающимся татарским ученым-филологом и историком, автором одной из лучших хрестоматий по истории татарской литературы, преподавателем Восточного педагогического института г. Казани. Пройдя через Белбалтлаг (ББК) и Беломорканал, отбыв незаконно и неправомерно больше 13 лет в казанской тюрьме и сталинских лагерях (1931-1934 и 1937-1943), он был освобожден буквально за пару месяцев до своей мучительной смерти²³.

Практически схожая судьба ждала и Галимджана Шарафа, который после окончания 2-го Реального училища поступил в Институт путей сообщения в Петрограде (1915) и проучился там вплоть до событий 1917 г. Галимджан Шараф также подвергся политическим репрессиям 1930-х гг., отсидев в лагерях с 1937 по 1950 г. Вероятно такая же судьба жертвы сталинских репрессий ждала бы и Шайхуллу Алкина.

Однако вернемся в дни их молодости. В середине и второй половине 1910-х гг. все упомянутые друзья – студенты столичных вузов, принимавшие активное участие в общественных делах, включая создание и деятельность татаро-мусульманских студенческих объединений. В 1917-1918 гг. представители молодой генерации национальной интеллигенции окажутся уже в эпицентре национального движения.

Еще одна грань характера Шайхуллы, довольно распространенная среди его поколения и близкого окружения – увлечение литературной деятельностью. В молодости он занимается сочинительством и сотрудничает с татарскими периодическими изданиями. В частности, уже в 1913-1914 гг. в журнале «Ак юл» («Белый путь») публикуются его первые рассказы для детей, статьи научно-популярного характера, переводы русских классиков. Переехав в Москву, Шайхулла Алкин не порывает своей связи с татарскими изданиями и его заметки начинают появляться в московской газете «Иль» («Страна»). Интересно, что одним из последних публичных упоминаний имени Шайхуллы Алкина стал

сборник «Балалар күңеле» («Мир ребенка»), составленный старшим братом друга юности и учителем по медресе «Мухаммадия» Шахаром Шарафом. В частности, в первый и пятый выпуски вошли два произведения Шайхуллы Алкина (8-я книжка – «Мәскен печнәк» («Кастрат-бедняжка») и 46-я книжка – «Хәнҗәр» («Кинжал»)). В этот сборник, изданный в серии «Подвижная христоматия» в пяти выпусках и 50-ти книжках (1921), вошли различные произведения для детей, как правило, изданные в прежние годы. Среди авторов мы видим Габдуллу Тукая, Фахрелислама Агеева, Фатыха Амирхана, Газиза Губайдуллина (Г. Газиза), Гаяза Исхаки, Мажита Гафури, Гали Рахима, Галимджана Ибрагимова, Фатхи Бурнаша, Шигапа Ахмадиева и др. В настоящее время почти все упомянутые персоны входят в число классиков татарской литературы. Галимджан Ибрагимов также причисляет Шайхуллу Алкина к молодому поколению татарских писателей (1922). Таким образом, последнее, по сути, появление в публичном пространстве его имени связано именно с литературным творчеством.

Альма-матер – Московский коммерческий институт

С переездом в Москву завершилось отрочество и начинался новый жизненный этап, связанный со студенчеством. Об этом периоде также известно немногого, поскольку в личном деле студента МКИ²⁴ отражена формальная сторона обучения, совсем немного факты общественной деятельности и, конечно же, нет никаких сведений о неформальной стороне жизни студента столичного вуза. Поэтому далее представлена информация, собранная по крупицам и лишь частично отражающая студенческую жизнь нашего героя.

В институтские годы (1913-1918) Шайхулла Алкин находился в центре общественной жизни складывающегося сообщества татарских студентов и молодой татарской интеллигенции. Мы не знаем, каково было соотношение времени, уделяемое им учебе и общественной жизни, однако очевидно, что Шайхулла принимал активное участие как в студенческих корпоративных объединениях, так и в деятельности различных культурно-просветительских обществ. В частности, в 1914-1915 гг. он был постоянным членом научного «Общества по изучению истории, литературы, быта и нравов мусульман России» (иногда сокращенно «Общество изучения мусульманских народностей России»)²⁵. Устав Общества был утвержден еще в мае 1914 г. Однако по причине наступивших каникул и начавшейся войны оно начало функционировать лишь поздней осенью того же года. Данная организация стала первой научной структурой, возникшей в среде российских мусульман. Она имела научно-просветительский характер и широкую программу, основанную на стремлении мусульман империи установить между собой тесное духовное общение. По словам Владимира Гордлевского, почти единственным студентом, принимавшем самое активное участие в заседаниях Общества, был именно Шайхулла. В статусе студента МКИ, он и сам подготовил обзорный доклад о поволжских татарах, истории Поволжья и запросах мусульман России. Сообщение носило компилятивный характер и базировалось на ряде русских источников (прежде всего, на трудах В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова), а также исторических и публицистических работах молодых татароязычных авторов (Ахмет-Заки Валиди и Габдулбари Баттала). Своему докладу оратор придавал не столько научное значение, сколько

характер информационного сообщения, которое могло бы побудить окраинных мусульман поближе познакомиться с ситуацией в Поволжье.

Помимо этого, Шайхулла Алкин принимал активное участие в деятельности сугубо студенческих корпоративных объединений, направленных на взаимопомощь, поддержание региональных (землячества) или национальных связей. «Кружок взаимопомощи студентов-мусульман» был образован в Коммерческом институте еще до 1913 г., однако скорее всего не был легализован и действовал явочным порядком. Согласно данным статьи «Из жизни студентов-мусульман Московского коммерческого института» в газете «Вакыт», к началу 1914 г. кружок объединял 34 студента: 20 «кавказцев» и 14 поволжских татар²⁶.

О деятельности данного землячества известно немного. На начало 1917 г. его руководителями выступали Шайхулла Алкин (председатель правления) и Абдул-Газиз Мрасов (секретарь)²⁷. Последний также учился в Казанском коммерческом училище и завершил полный курс только в 1916 г., после чего, как и другие его выпускники, отправился в Москву за высшим образованием. Примечательно, что 26 февраля 1917 г. члены правления намеревались устроить благотворительный вечер, о чем извещали руководство института. Однако буквально через пару дней Февральская революция победила и в Москве, что резко прервала привычное течение жизни и в корне изменило все планы.

В дальнейшем, уже после революции, этот кружок стал базой, на которой была предпринята очередная попытка объединить всех студентов-мусульман высших учебных заведений страны с центром в Москве. Об этом в газете «Иль» сообщал студент МКИ Мустафа Сейфульмулюков. Весной 1917 г. татарские студенты образуют «Всероссийский центральный комитет студентов-мусульман». Однако насколько реальным было функционирование этого студенческого объединения с учетом наступивших летних каникул, а также очередного осеннего политического переворота, сказать сложно.

Февральская революция 1917 г.: участие в национальном движении и работа в «Национальном собрании» («Миллэт мәжлесе»)

Интерес к национальной истории и культуре, стремление к общественным делам, первые опыты литературной и публицистической деятельности – все это свидетельствовало об активной жизненной позиции нашего героя. И события революционной поры не могли оставить его безразличным: с весны 1917 г. его судьба была неразрывно связана с национальным движением, а сам Шайхулла неизменно находился в гуще общественной жизни.

В мае 1917 г. в Москве собрался первый Всероссийский мусульманский съезд. Шайхулла, в то время студент 4-го курса, вместе с Каримом Сагитовым освещал работу форума на страницах газеты «Иль»²⁸. Такие же корреспонденции он посыпал в газету и со 2-го Всероссийского мусульманского съезда, состоявшегося в Казани летом того же года. На московском съезде Шайхулла Алкин был избран в финансовую комиссию «Милли Шуро» («Национальный совет») и Коллегию по выработке основ культурно-национальной автономии во главе с Садри Максуди. В августе 1917 г. Шайхулла Алкин вместе с другими членами коллегии переезжает в Уфу, где занимается организационными вопросами по созыву «Миллэт Мәжлесе» («Национальное собрание тюрко-татар внутренней России и Сибири»)²⁹.

Общественные дела, видимо, настолько увлекли его, что оказались в ущерб учебе в институте: в декабре 1917 г. Шайхулла «как не подавший прошения об оставлении на 5-й год» и не приехавший в срок, был отчислен из института. В это время он находился в Уфе, где заседало «Национальное собрание», делегатом которого он был избран от мусульман г. Уфы. Национальное собрание проработало с 20 ноября по 11 января 1918 г. и среди важнейших его решений было утверждение «Основ культурно-национальной автономии» и провозглашение Урало-Волжского штата³⁰.

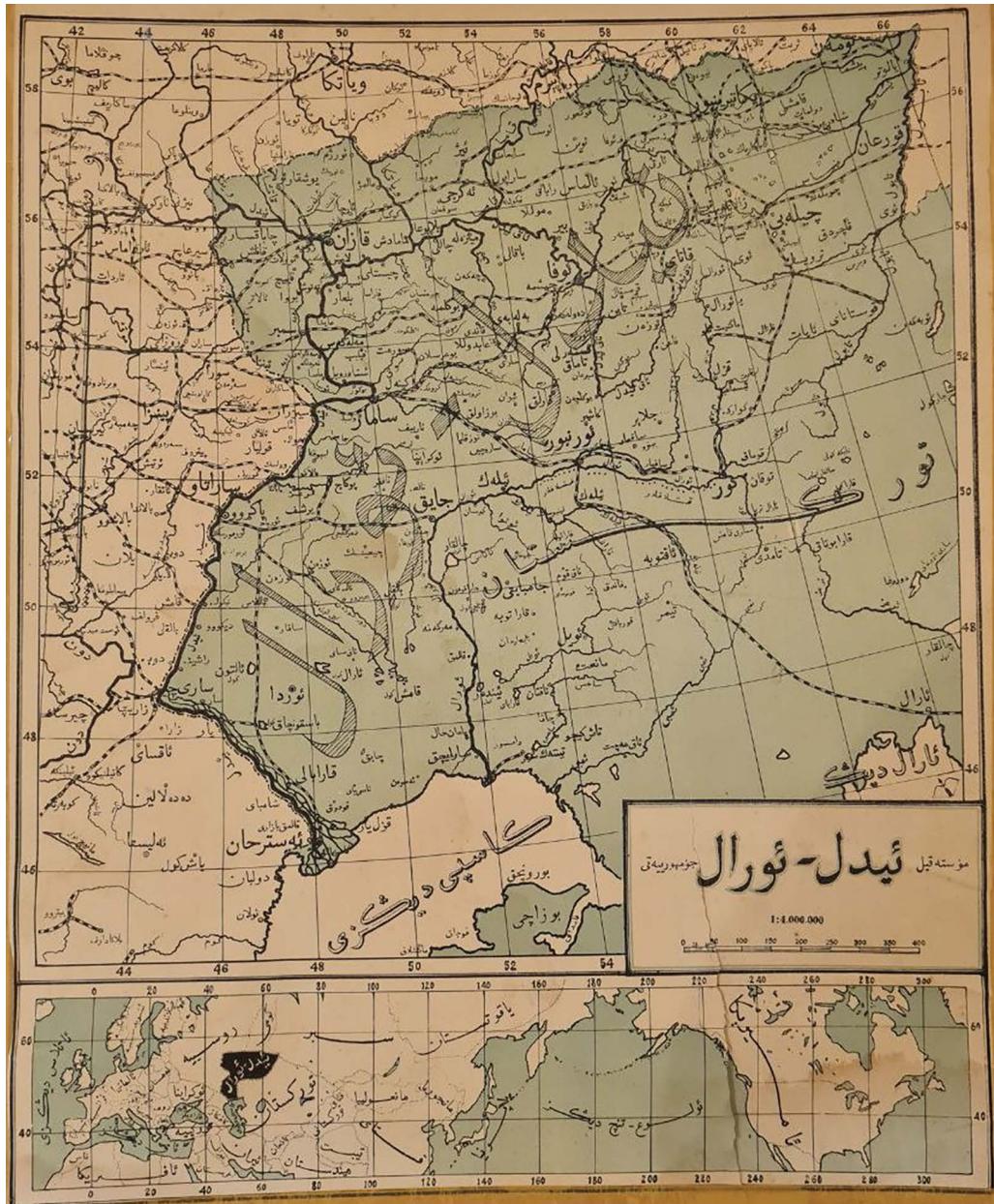
В Собрании Шайхулла Алкин с первого же дня вошел во фракцию тюркистов, однако основное его внимание было сосредоточено на работе в финансовой комиссии. В частности, уже 27 ноября Шайхулла Алкин отчитывался перед делегатами Собрания о деятельности временного министерства финансов, созданного при Коллегии по осуществлению культурно-национальной автономии после прибытия последней в г. Уфу. В своем выступлении оратор затронул проблему финансовой основы будущей автономии, указав на недостаточность пожертвований и добровольных взносов и необходимость введения национального налога. Ввести же подобный налог, а также утвердить принципы его взимания и размеры, вправе был лишь национальный парламент («Миллэт Мәжлесе»).

Проект закона о национальном налоге, подготовленный временным министерством финансов при активнейшем участии Шайхуллы Алкина, был передан в финансовую комиссию Собрания. Как и в другие аналогичные комиссии, в ней были поровну представлены члены обеих фракций, а ее председателем был избран именно Шайхулла Алкин. Проект закона о национальном налоге обсуждался на заседаниях Собрания 26-27 декабря 1917 г. Замечания касались в основном необходимости введения прогрессивного налога и усиления централизации в сборе и распределении средств. В итоге после постатейного обсуждения был принят проект, предложенный комиссией.

На одном из последних заседаний «Миллэт Мәжлесе» 7 января 1918 г. состоялись выборы в «Национальное управление» («Милли идарә»). Этот орган создавался в целях реализации культурно-национальной автономии, должен был стать своего рода «национальным правительством». 25-летний юноша занял в нем должность «министра финансов». Это назначение стало «высшей точкой» в карьере Шайхуллы Алкина в рамках национальных структур и, казалось бы, успешной реализацией самых амбициозных планов и желаний.

Помимо вопросов, связанных с реализацией культурно-национальной автономии, Шайхулла принял довольно активное участие в обсуждении принципов и границ будущего штата Идель-Урал. Он был сторонником включения в будущий штат Астраханской и Самарской губерний. Шайхулла Алкин исходил, прежде всего, из экономических (без этих земель штат будет «нищим») и геостратегических интересов будущей автономии: «подобно Петру I, открывшему окно в Европу, мы должны открыть окно в тюркский мир». Эту позицию разделяли и другие тюркисты, в первую очередь Гаяз Исхаки, представитель астраханских татар Ш. Гайфи и др.

В одном из своих выступлений Шайхулла Алкин назвал себя социал-демократом, не согласным со стремлением народов на полную самостоятельность от России, но признающим это стремление как реальность. Каких-либо других

*Карта «Идель-Урал». 1930-е гг. Из личного архива Д. М. Усмановой.
The Map “Idel-Ural”. 1930's. From the personal archive of D. M. Usmanova.*

свидетельств о его партийной принадлежности или политических симпатиях нет. Но если даже причислить его к социал-демократам (что весьма условно), то по своим взглядам он был бы ближе к меньшевикам. Тем более, что Шайхулла Алкин являлся одним из активных сторонников и защитников идеи культурно-национальной автономии, популярной именно среди меньшевиков.

Провозглашенная Московским съездом и утвержденная «Национальным собранием» персональная автономия конечно же не могла быть осуществлена

в той модели общества, которую намеревались построить (а если будет необходимо – и силой утвердить) большевики. Парадокс заключался в том, что авторами теории персональной автономии были марксисты, австрийские социал-демократы. Эта идея поддерживалась и разделялась многими российскими социалистами. Однако в основе своей она опиралась, главным образом, на принципы господства и неприкосновенности частной собственности, частного предпринимательства, личной инициативы и сведения до минимума функций государства во внутренней жизни отдельных народов бывшей империи. Эти принципы в корне противоречили главным лозунгам Октябрьской революции и основным положениям большевистской доктрины (ликвидация частной собственности, массовое обобществление, диктатура пролетариата, усиление роли государства, верховенство классового принципа и классовых интересов над национальными и т.п.). Вероятно, поэтому Шайхулла Алкин оказался среди противников Октябрьского переворота и новой власти, которая перечеркивала все достигнутое национальным движением. Тем более, что к тому времени он уже прочно связал свою судьбу и свое будущее с национальными структурами.

Национальные структуры в период Гражданской войны: между Уфой и Петропавловском, от надежд к распаду

Весной 1918 г., еще до разгона большевиками национальных организаций, Шайхулла Алкин находился в Уфе, где занимался дальнейшей разработкой и осуществлением проекта национальной автономии. Однако декрет Наркомнаца за подписью И. Сталина и М. Вахитова поставил на всех этих планах большой крест: 25 апреля 1918 г. «Национальное управление» (Милли идарә) было распущено. Исключение было сделано лишь в отношении религиозных структур («Духовного управления») и то при условии дистанцирования последних от политики. Более того, все финансы национальных структур были заочно конфискованы, а при обнаружении этих денег Садри Максуди и Шайхулла Алкин, как ответственные за «несанкционированные поборы с населения», оказались бы под угрозой ареста. Судя по дневнику Галимзяна Баруди, когда были обнаружены определенные суммы, в мае 1918 г. Шайхулла Алкин был арестован. В итоге, находившийся в столице муфтий во главе группы уважаемых мусульман обратился к М. Вахитову с личной просьбой, что помогло освободить молодого человека из-под ареста³¹.

Получив свободу, Шайхулла решает вернуться к учебе и 29 мая подает прошение о зачислении его на 5-й курс и допущении в осеннюю сессию 1918/1919 учебного года к экзаменам. Такое разрешение ему было дано с условием внесения платы в сумме 50 рублей за право держать шесть экзаменов. Казалось бы, проблема решена, и после неудач на общественном поприще можно вернуться к высшему образованию. Однако взятие летом 1918 г. белочехами Уфы изменило все эти планы, дав надежду на возрождение национальных структур. Вероятно, надеясь на скорое падение большевистского режима, Шайхулла Алкин делает выбор между учебой и национальной карьерой в пользу последней.

И вновь эти планы были сметены политическими переменами: осенью 1918 г. Уфа находится под новой угрозой захвата большевиками³². Поэтому 12 октября 1918 г. члены возрожденного «Национального управления» («Милли

идарә») принимают решение вслед за членами Комуча (Комитетом членов Учредительного собрания) покинуть Уфу. Как писал Гаяз Исхаки, члены «национального правительства» покидали город в телячьем вагоне³³. Среди этой большой группы татарской интеллигенции, которая спешно оставила Уфу и на некоторое время обосновалась в Петропавловске, были Ибниямин Ахтямов как руководитель национальных структур (вместо покинувшего Россию Садри Максуди); Закир Кадыры (с семьей), Ибрагим Биккулов, Гали Еникеев (все члены «министерства просвещения»), Шайхулла Алкин, Губайдулла Буби, Селим-Гирей Джантюрин, Гариф Карими (члены «министерства финансов»), Гаяз Исхаки, Султанбек Мамлеев, Абдулбари Баттал (делегаты «Милләт Мәжлесе»). Также в Петропавловск вскоре прибыли Фуад Туктаров, Каюм Мустакай и Гумер Терегулов³⁴.

Период осени-зимы 1918-1919 гг. самый сложный как в истории национального движения, так и в персональных судьбах его участников, а также чрезвычайно скучно освещенный в исторических документах. О «петропавловском периоде» сохранилось не так много свидетельств. В частности, в настоящее время доступны несколько источников личного происхождения, которые позволяют нам как-то воспроизвести хронологию тех событий и попытаться реконструировать настроения и мысли людей, оказавшихся на сложном перепутье. Это дневник муфтия Галимзяна Баруди «Кызылъяр сәфәре» (Поездка в Петропавловск), дневник Гаяза Исхаки (с апреля 1919 г.) и воспоминания Абдулбари Баттала, опубликованные впервые в 1947 г., но также базировавшиеся вероятно на дневниковых записях. Все трое авторов осенью-зимой 1918/1919 гг. находились в Петропавловске (или Кызылъяре как его было принято называть в татароязычных текстах) в группе национальных деятелей, бежавших из Уфы. Однако в их свидетельствах есть противоречия и лакуны как объективного характера, так и субъективного свойства. В частности, дневник Гаяза Исхаки начинается лишь с весны 1919 г., когда он, уже покинувший Россию, находится в Манчжурии и Японии в ожидании европейских виз. Тем не менее, он поддерживал постоянную переписку с находившимися в Сибири единомышленниками и некоторую информацию можно найти там. В октябре 1919 г., на теплоходе по пути в Европу, он вспоминает свой отъезд из Уфы годичной давности (12.10.1918) и как бы подводит горькие итоги прошедшему году – году несбывшихся планов, разбитых надежд и горьких разочарований.

Наиболее интересными являются воспоминания Абдулбари Баттала, опубликованные в двух частях в 1947 и 1969 гг., переизданные в Турции в 2000 г. в двух книгах и частично переведенные на родной язык автора в 2003 г.³⁵ В первой части есть небольшое описание обстоятельств пребывания группы национальных деятелей, включая и Шайхулла Алкина, в Петропавловске. К большому сожалению, именно эта первая часть воспоминаний так и была не переиздана на русском или татарском языке, а потому описываемые там события опускаются или трактуются чрезмерно лапидарно во всей известной на сегодняшней день литературе о Абдулбари Баттале³⁶.

Во второй части (здесь описываются события с декабря 1919 по сентябрь 1921 г.) есть небольшое упоминание о встрече с Шайхуллой Алкиным в Томске. Учитывая злоключения Абдулбари Баттала в 1919-1921 гг. и обстоятельства его

бегства из России у него не было возможности вести дневник и многие события того времени были воспроизведены по памяти.

В казанском издании путевых записок Галимзяна Баруди «Кызыльяр сәфәре» (2004) отъезд из Уфы в Петропавловск и общение с членами «Национального управления» датируют ошибочно. Судя по всему, муфтий выехал из Уфы в путешествие по казахским землям в августе 1918 г. (а не 1919, как ошибочно указано в этом издании 2004 г.). Пробыв в Сибири несколько месяцев, он 7 октября 1918 г. направился в Уфу, однако сумел добраться лишь до Челябинска и оказался отрезан военными действиями. Поэтому муфтий был вынужден вернуться обратно в Петропавловск и позднее в Омск, где провел большую часть осени-зимы 1918-1919 гг.³⁷

Судя по его дневнику, попутчиками по дороге из Уфы в Петропавловск были именно Шайхулла Алкин, а также Гаяз Исхаки (как мы знаем, осенью 1919 г. уже находившийся далеко за пределами Российской империи) и Абдулбари Баттал. Примечательно, что сам Галимзян Баруди считал выбор этого города как резиденции для «Милли Идарә» неудачным, предлагая, как альтернативу г. Троицк. Но, возможно, выбор на Кызыльяр пал по двум причинам: к 1913 г. среди городского населения порядка 20 % были именно татары-мусульмане. Всего в городе было девять мусульманских приходов (шесть каменных и три деревянные мечети), из которых по меньшей мере 5-6 считались татарскими. Наконец, среди татар значительной была прослойка торговых, а значит людей с капиталом. Наконец, город располагался неподалеку от Омска – негласной столицы Сибири, а через город проходили два караванных маршрута – один в Ташкент и Самарканد, а другой – в Восточный Туркестан.

Приезд в Петропавловск большой группы национальных деятелей вызвал определенный ажиотаж и материальные проблемы. Муфтий подробно описывает приезд в город, то, как их встретили кызыльярцы и какие сложности возникли у национальных деятелей с обустройством на новом месте. В частности, прибывших накануне членов «национального правительства» разместили в двух зданиях медресе Забирова, относившегося к мечети первой махалли. В одном из зданий расположились члены министерства просвещения, а в другом – министерства финансов. Ворота были украшены национальными знаменами и объявлениями, в которых объяснялись причины переезда членов «национального правительства» из Уфы в Петропавловск и их дальнейшие планы. Сам Галимзян Баруди остановился, как и ранее, в доме Мухаммедсаида Мурадова. Для прибывших вместе с ним Шайхуллы Алкина и Гаяза Исхаки достойного жилья найдено не было и их временно приютил у себя Мустафа Тюменев (1892 – после 1948?), который был знаком с Шайхуллой по Московскому коммерческому институту, поскольку учился там в 1915-1917 гг. По воспоминаниям А. Баттала, многие из вновь прибывших в город татар вечерами собирались в гостеприимном доме Тюменевых, двери которого, «несмотря на стужу и холод, практически никогда не закрывалась и постоянно скрипели от входящих и уходящих гостей»³⁸.

В своих путевых записках «Кызыльяр сәфәре» Галимджан Баруди довольно подробно останавливается на взаимоотношениях с членами «Милли Идарә» и объясняет мотивы отказа ассоциировать возглавляемое им «Духовное управление» с этой национальной структурой: таково было желание большинства

татар г. Петропавловск и других сибирских городов; казахское население также было недовольно деятельностью татарского по сути «Национального управления». По этой причине муфтий посчитал нецелесообразным присоединиться к двум другим министерствам³⁹. Но думается, эти объяснения были не слишком искренними, а приведенные резоны не вполне определяющими. С очень большой вероятностью, путевые записки были записаны (или переписаны) значительно позднее описываемых событий⁴⁰.

В основе осторожной политики Г. Баруди лежала тактика расчета и лавирования между различными силами: дав большевикам согласие на сохранение Духовного управления на условии дистанцирования от политики, он рассчитывал опереться на ту сторону, которая в итоге и одержит вверх в этом противостоянии. Следует сказать, что Г. Баруди всегда проявлял большую осторожность и гибкость, не был склонен к опрометчивым и необдуманным поступкам. Например, во время кампании 1915 г. вокруг вакантной должности муфтия ОМДС он, с одной стороны, явно лоббировал себя как креатуру прогрессивной мусульманской общественности Казани. А с другой – был в числе первых, кто поздравил Сафу Баязитова с назначением на эту должность.

Очевидно, что Галимзян Баруди при всех его прогрессивных взглядах всегда сохранял лояльность к властям и держал себя крайне осмотрительно. Умеренности способствовал и персональный опыт пребывания в ссылке и последовавшие за этим лишения (изгнание из родной Казани, временная потеря должности имама-мударриса и пр.). Вероятно, он интуитивно осознавал, что «политика – искусство возможного» и был вынужден корректировать свою позицию исходя из суровой реальности. Однако его дистанцирование как главы религиозных структур от национальных организаций имело значительные последствия для дезорганизации деятельности этих национальных структур. Наконец, Г. Баруди подвергает сомнению авторитет слишком юного и политически неопытного Шайхуллы Алкина как исполнявшего обязанности временного главы этих структур. В частности, автор дневника довольно неодобрительно отзывается о стремлении членов «Национального управления» организовать новые сборы средств с населения для поддержания своих структур.

В Петропавловске группа национальных деятелей предприняла попытку издавать газету «Маяк» (7.12.1918 – 21.04.1919) как орган «Национального управления», поскольку среди них находилось несколько человек с большим опытом журналистской деятельности. По словам Г. Баттала, в Петропавловске собралась большая группа известных татарских журналистов (Гаяз Исхаки, Фуад Туктаров, Закир Кадыри – каждый из них имел огромный опыт издательско-публицистической деятельности и несколько изданий за плечами). Однако для реализации такого внушительного журналистского потенциала не было реальной среды: «ат бар, мәйдан юк». И судя по замечаниям того же мемуариста, вся черновая работа успешно осуществлялась двумя членами редакции (Габдулбари Батталом и Каюмом Мустакаем), поэтому энергия других амбициозных журналистов оставалась нереализованной. Газета, выходившая один-два раза в неделю, прекратила выходить весной 1919 г., когда стала очевидно бесперспективность этого начинания. Всего было отпечатано 30 номеров. По словам

мемуариста, уезжая из Петропавловска, он взял с собой полный комплект газеты и долго возил с собой, несмотря на все скитания и лишения. В конце концов, этот комплект был оставлен в доме его тещи. Судьба этого комплекта неизвестна, однако сама газета, как и многие провинциальные издания того времени, очень плохо сохранилась⁴¹.

Помимо конкретной издательской работы члены этого сообщества занимались обсуждением разных планов и проектов борьбы с большевиками. Пребывание большой группы татарской интеллигенции в провинциальном сибирском городе оказалось весьма проблематичным в силу неопределенного правового статуса, сложного финансового состояния и туманного будущего. Г. Баттал в качестве неудачи основной миссии членов «Национального управления» в «изгнании» указывает сложные и противоречивые взаимоотношения с правительством Колчака, который был подвержен великодержавным настроениям⁴². В итоге, члены всех этих национальных структур погрязли в дрязгах, склоках и прочих проблемах, что побудило ряд деятелей вскоре покинуть Петропавловск. Постепенно национальные деятели один за другим оставляли город.

Весной 1919 г. значительная часть членов «Национального управления» вернулась в Уфу, на короткое время оказавшейся вновь в руках антибольшевистских сил, однако и этот период продлился меньше трех месяцев (с 13 марта по 9 июня 1919 г.). Летом 1919 г. не согласные с Советской властью члены «Национального управления» вновь оставили Уфу и перебрались в Омск, где располагалась ставка правительства Колчака. Однако уже вскоре стал очевиден неблагоприятный расклад сил, отнюдь не в пользу антибольшевистских сил. Накануне объявления очередной мобилизации, правительство Колчака повысило возраст мобилизуемых до 43 лет и предприняло последние судорожные усилия доукомплектовать свою тающую армию. Летом-осенью 1919 г. была проведена почти «сплошная» мобилизация, затронувшая и Шайхуллу (Алкина. – Д. У.), который также был мобилизован⁴³.

К сожалению, отсутствие полноценных документов не позволяет нам более тщательно проследить обстоятельства и дальнейшую траекторию его перемещений. Можно предположить, что поражение колчаковской армии на рубеже 1919-1920 гг., последующие арест и гибель верховного главнокомандующего в начале 1920 г. означали полный разгром белого движения в Сибири. Вероятно, в условиях неразберихи и хаоса в гибнущей Белой армии Шайхулла Алкин получил возможность вернуться к гражданской жизни.

Томск и Оренбург: заключительные страницы биографии Шайхуллы Алкина

К зиме 1919 г., на фоне краха антибольшевистских сил и разброда в национальном движении, Шайхулла реанимировал идею завершить свое высшее образование. Вероятно, поэтому он оказывается в Томске. Выбор этого сибирского города может быть объяснен двумя обстоятельствами: здесь располагался единственный в Сибири вуз – основанный в 1878 г. Томский университет. Второе немаловажное обстоятельство – в Томске проживали его родственники, занимавшиеся торговой деятельностью. Вероятно, наличие близких людей могло помочь перенести финансовые и иные тяготы нового положения. Судя по прошению,

поданному в декабре 1919 г., в Томске Шайхулла некоторое время проживал на Татарской улице, в доме № 11.

Так или иначе выбор был остановлен на юридическом факультете Томского университета⁴⁴. В прошении он перечисляет сданные ранее в МКИ предметы (всего 12 предметов) и просит зачислить себя на 3-й или 4-й курс упомянутого факультета с обязательством предоставить в скорейшем времени все необходимые документы. Тогда же им было уплачено 100 рублей за первое полугодие обучения⁴⁵. У нас нет убедительных свидетельств, почему ему и на этот раз не удалось завершить свое образование. Скорее всего, это связано с политическими переменами в Сибири (22 декабря 1919 г. «белогвардейский» Томск пал и был занят большевиками) и последующими структурными трансформациями в Томском университете.

Подавая ходатайство о зачислении на юридический факультет, Шайхулла Алкин ссылается на своего земляка – Бориса Евгеньевича Будде (1889-1959), который мог бы подтвердить тот факт, что он был студентом МКИ. Профессор (с 1917 г.) Казанского университета Борис Будде при отступлении Белой армии в сентябре 1918 г. покинул Казань и в числе целой группы «профессоров-беженцев» обосновался в Томске. В Томском университете Б. Е. Будде служил профессором кафедры финансового права, а с 23 декабря 1919 до весны 1920 г. исполнял обязанности декана юридического факультета. Однако в марте 1920 г. юридический факультет как самостоятельное подразделение был расформирован и включен в состав факультета общественных наук (ФОН), а упомянутый казанский профессор весной 1920 г. покинул Томск и вернулся в Европейскую часть страны. Аналогичным образом поступили многие другие профессора и студенты из западных регионов страны, занесенные ветром гражданской войны в Сибирь.

По-видимому, окончательное падение правительства Колчака в начале 1920 г., означавшее бесповоротную победу большевиков в Сибири, последовавшие за этим организационные изменения в университете, советизация системы образования, последующие чистки от «враждебного элемента» и прочие обстоятельства сделали дальнейшее пребывание в Томском университете бессмысленным. Тем не менее, 14 августа 1920 г. он все еще надеется на будущее, а потому посыпает в Институт народного хозяйства им. К. Маркса (ранее это МКИ) прошение о высылке некоторых документов, удостоверяющих сдачу основных экзаменов, необходимых для предоставления в Томский университет⁴⁶. Более никаких документов и свидетельств ни в личном деле в архиве Томского университета, ни в личном деле Московского коммерческого института уже нет.

Последующий год еще более туманен, даже по сравнению со смутным сибирским периодом – у нас почти нет никаких документальных свидетельств об этом заключительном периоде его жизни. Однако важные свидетельства из дневника Галимзяна Баруди и воспоминаний Габдулбари Баттала проливают некоторый свет на последние дни и месяцы жизни Шайхуллы Алкина, полные невзгод, лишений, страхов и разочарований. Самым теплым и сердечным было свидетельство муфтия Галимзяна Баруди, наделившего покойного весьма достойными качествами. Так или иначе три независимых свидетеля высказывают, в целом, схожие суждения: наш герой не принял Советскую власть и был подвергнут с ее стороны преследованиям и репрессиям; жизнь в Томске прошла под арестом

Здание Караван-сарая.

Оренбург, 1913 г.

Электронный ресурс.

Режим доступа: <https://www.ural56.ru/news/568770/>

The Caravanserai building.

Orenburg, 1913. Electronic

resource. Access mode:

<https://www.ural56.ru/news/568770/>

и в мучительном подполье под страхом нового ареста и даже расстрела; а последующие попытки найти свое место в новой жизни закончились полным крахом. Относительно обширные цитаты из трех различных источников имеют общий контур (констатацию факта самоубийства), но содержат ряд нюансов и своеобразных акцентов, поэтому стоит привести их практически целиком (цитаты даны в переводе с татарского языка).

Мударрис медресе «Мухаммадия» (в котором покойный получил начальное мусульманское образование), друживший с его отцом и дедом, муфтий Галимзян Баруди так отреагировал в своих дневниковых записях на смерть ученика: «9 июля [1921 г.] пришла весть о смерти председателя финансового отдела “Милли идарә” Шайхуллы сына Сибгатуллы сына Габди Алкина. Бедняга, устав от пребывания на этом свете, от всевозможных проблем и невзгод, сам выбрал добровольный уход в молодом возрасте... Бедняга Шайхулла после взятия Томска красными оказался в тюрьме и провел там значительное время, смог выйти из-под ареста, но в течение года был вынужден, сменив внешность и имя, жить [нелегально] в страхе и ожидании нового ареста. Он находился в очень тяжелом положении. Был уверен, что в случае нового ареста его ожидает смертная казнь. Бедное несчастное дитя... Очень печально, [ведь] он был [такой] подающий надежды молодой человек. До вхождения в “Милли идарә” он был любим многими, [он был такой] целомудренный, учтивый, воспитанный и думающий молодой человек, хороший оратор. Пусть его простит Всевышний»⁴⁷.

Весьма красноречивая ремарка содержится в воспоминаниях Габдулбари Баттала: «Этот юноша [Шайхулла Алкин] остался после меня в Томске. Как я позднее слышал, он перенес много испытаний, потом вернувшись [из Сибири] в Оренбург, был вынужден поступить на службу в так нелюбимое им правительство Башкирской республики, а позднее, потеряв душевное равновесие, повесился в здании Каравансарая»⁴⁸.

Со значительным опозданием (7 февраля 1922 г.) короткое упоминание о гибели в Оренбурге Шайхуллы Алкина появилось и в газете «Татарстан хәбәрләре» («Известия Татарстана») в статье Галимджана Ибрагимова, вышедшей под заголовком «Татар эдәбияты (Хисап урынында)» (Татарская

литература: вместо отчета): «Трагедией закончилась жизнь казанского писателя Шайхуллы Алкина: следя довольно долгое время за чехами, Колчаком, вернувшись затем в Оренбург, он, говорят, застрелился. Это закономерный итог, закономерная трагедия тех людей, кто не смог смириться с революцией, кто к тому же не смог осознать невозможность возвращения к прежней жизни, к прежним идеалам»⁴⁹.

Таким образом, согласно свидетельствам Галимзяна Баруди и Габдулбари Баттала, невзгоды и злоключения, которые в 1920-1921 гг. пришлись на долю Шайхуллы Алкина, сильно разрушили его душевное равновесие. На это в дневнике недвусмысленно указывал Галимзян Баруди, а также в своих позднейших воспоминаниях намекал Габдулбари Баттал, к тому времени долгие годы живший в эмиграции. Очевидно, что сложное душевное состояние могло быть спровоцировано крахом веры в будущее, сильным разочарованием в собственных усилиях и действиях, отсутствием очевидных хороших перспектив и даже полным крушением всех планов и надежд. Возможно столь ранний и добровольный уход из жизни был результатом минутной слабости, но скорее всего – вполне осознанным поступком человека, ощущающего себя на краю бездны без капли веры в светлое будущее ...

После этого последовали десятилетия забвения, обычные для потерпевших поражение противников Советской власти. Однако, когда мы, даже на основе ограниченных источников и отрывочных сведений, попытаемся обозреть более-менее полную картину его короткой жизни, нельзя не признать несправедливость такого забвения. Фигура и судьба Шайхуллы Алкина, помимо безусловно персональной ценности, могут рассматриваться как капля, в которой отражены жизненные траектории молодой национально-ориентированной татарской интеллигенции предреволюционного десятилетия, а также почти неизбежный для нее трагический исход в большевистской России.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Усманова Д. М. Шайхулла Алкин // Татарстан. – 1995. – № 9/10. – С. 112-116.
2. В настоящее время с. Старые Чечкабы (Иске Чәчкаб авылы) Кайбицкого района Республики Татарстан.
3. ГА РТ, ф. 120, оп. 1, д. 2, л. 4.
4. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы), ф. Р-489, оп. 3. «А», д. 270, л. 6.
5. Загидуллин И. К. Алкин Абдуллатиф // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М. Х. Хасанов. – Казань, 2002. – Т. 1. А-В. – С. 111.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 3, оп. 36, д. 1238, л. 1.
7. Примерно 166-167 см.
8. ГАТО, ф. 3, оп. 36, д. 1238, л. 6 об-7.
9. Там же, л. 11.
10. Хәйруллина В. Элмәндәр муллалары // Безнең мирас. – 2024. – № 4. – Б. 24-29. В свою очередь сын Валиахмета – Валей Ахметович Алкин – герою данного очерка Шайхулле Алкину приходится, таким образом, сводным двоюродным братом. Судя по данным БД «Жертвы политического террора в СССР», в советские годы В. А. Алкин (1899-1944) работал директором Новокинерской средней школы (с. Новые Кинеры, Арский район РТ), был арестован 18 июля 1938 г., осужден на пять лет ссылки в Красноярский край (17.01.1940). Умер в Крас-

- ноярске 25 февраля 1944 г. и реабилитирован посмертно (см.: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://base.memo.ru/person/show/492933>).
11. Баруди Г. Хатирә дәфтәре: 1920 елның октябреннән алып 1921 елның ноябренә кадәр. – Казан, 2018. – Б. 206.
  12. Рами И. Г., Даутов Р. И. Эдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияты буенча кыскача белешмәлек). – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2001. – Б. 16.
  13. Султанбеков Б. Ф. Ильяс Алкин: жизнь и судьба // Татарстан. – 1994. – № 10. – С. 21-41.
  14. Баруди Г. Күрс. хез. – Б. 205.
  15. ГА РТ, ф. 120, оп. 1, д. 2.
  16. В официальных документах встречаются два варианта написания ее имени: Суурзиган и Сулурзиган.
  17. БД «Жертвы политического террора в СССР». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://base.memo.ru/person/show/534441>.
  18. ГА РТ, ф. 120, оп. 1, д. 66.
  19. В будущем выдающемуся татарскому ученому-филологу и писателю Гали Рахиму очень сложно давалась арифметика и алгебра.
  20. ГА РТ, ф. 120, оп. 1, д. 28.
  21. ЦГА Москвы, ф. Р489, оп. 3, «А», д. 270.
  22. БД «Жертвы политического террора в СССР». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://base.memo.ru/person/show/492468>.
  23. БД «Жертвы политического террора в СССР». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://base.memo.ru/person/show/491752>.
  24. ЦГА Москвы, ф. Р489, оп. 3, «А», д. 270, 23 л.
  25. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 133, д. 473, л. 540-546; Гордлевский Вл. Мусульманское ученое общество в Москве // Мусульманский мир. 1917. – Пг., 1917. Год 1-й, выпуск 1-й. – С. 69-72.
  26. Мостафа, Мәскәү коммерция институтында укучы мөсемләнән студенчлары тормышыннан // Вакыт. – 1914. – 23 февраля. – № 1423.
  27. ЦГА Москвы, ф. Р-489. оп. 3, д. 270, л. 21.
  28. Усманова Д. М. Первый всероссийский мусульманский съезд 1917 г.: взгляд через столетие // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2021. – № 3. – С. 28.
  29. Отчет о проделанной коллегией работе был сделан ее членом Галимджаном Шарафом (см.: Тормыш. – 1917. – 8 декабря. – № 763).
  30. Усманова Д. М. Милләт Мәжлесе тарихы (чыганакларда) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1996. – № 1. – С. 61-72.
  31. Галимҗан Баруди: Кызыльяр сәфәре. – Казан: «Иман» нәшрияты, 2004. – С. 153.
  32. Собственно, Уфа не находилась под контролем большевиков короткие промежутки: с 5 июля по декабрь 1918 г. (была занята белочехами) и с 13 марта по 9 июня 1919 г. (была оккупирована войсками Колчака).
  33. Исхакий Г. Көндәлекләр: 3 китапта. 1нче китап: 1919-1920 / Төз., текст, иск. һәм аңл. әзерл.: Э. Х. Алиева, Ф. Г. Фәйзуллин, Г. М. Ханнанова; кереш сүз авт. Д. Ф. Зәнидуллина. – Казан: ТӘhСИ, 2023. – С. 161.
  34. Taymas Abdullah (Abdullah Battal-Taymas). Rus İhtilalin'den Hatıralar. I, 1917-1919. – İstanbul: Güven Basimevi, 1947. – С. 109.
  35. Taymas Abdullah (Abdullah Battal-Taymas). Rus İhtilalin'den Hatıralar. I, 1917 – 1919. – İstanbul: Güven Basimevi, 1947. – 216 s.; Rus İhtilalin'den Hatıralar, 2: Ben Bir İşik Ariyordum. – İstanbul, 1962. – 210 s. (2-е издание на языке оригинала: İstanbul: Turan Kültür Vakfı, 2000. 241 + 284 s.). Вторая часть воспоминаний Г.-Б. Баттала переиздана на татарском языке: Баттал-

- Таймас Габделбари. Мин бер яктылык эзләгән идем. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2003. – 175 б.
36. Например: Габделбари Баттал – Габдулла Баттал-Таймас: фэнни-популяр жыентык / Төз. Занидуллина Д. Ф. – Казан: “Жыен”, 2023. – 528 б.
37. Подробнее об этом этапе жизни Г. Баруди см.: Юсупов М. Х. Галимҗан Баруди. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2003. – С. 74-75 (см. также: Баруди Г. Хәтирә дәфтәре... – 147 б.). К сожалению, в современном издании дневников Г. Баруди нет ни комментариев, ни критического анализа, ни каких-либо пояснений и исправлений невольных ошибок автора.
38. *Taymas Abdullah (A. Battal)*. Rus İhtilalinden Hatıralar, 1917-1919. – İstanbul: Güven Basimevi, 1947. – С. 112.
39. Галимҗан Баруди: Кызыльяр сәфәре... – С. 154.
40. Вполне вероятно, это произошло осенью 1919 г., поскольку уже в марте 1919 г., после взятия Уфы войсками Колчака, он возвращается в город. Вполне возможно, что уже осенью ему понадобилось откорректировать текст с учетом того, что военная победа Советской власти осенью 1919 г. становилась вполне очевидной.
41. На обстоятельствах издания этой газеты подробно останавливается Габдулбари Баттал (см.: *Taymas Abdullah (A. Battal)*. Rus İhtilalinden Hatıralar, 1917-1919. – İstanbul, 2000. – С. 127-128).
42. *Taymas Abdullah (A. Battal)*. Rus İhtilalinden Hatıralar, 1917-1919. – İstanbul, 2000. – С. 134-135.
43. Исхакый Г. Көндәлекләр: 3 китапта. 1нче китап... – С. 146.
44. ГАТО, ф. 102, оп. 4, д. 3072, л. 1.
45. Там же, л. 1 об.
46. ЦГА Москвы, ф. Р489, оп. 3, «А», д. 270.
47. Баруди Г. Курс. хез. – Б. 205-206.
48. Цит. по: Баттал-Таймас Габделбари. Мин бер яктылык эзләгән идем. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2003. – Б. 15.
49. Ибраһимов Г. Татар әдәбияты (Хисап урынында) // Эсәрләр. Сигез томда. 5-нче том: Әдәбият һәм сәнгат түрүнда мәкаләләр, хезмәтләр (1910-1933). – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1978. – 286 б.

Список литературы

Taymas Abdullah (Abdullah Battal-Taymas), Rus İhtilalin'den Hatıralar. I, 1917-1919. – İstanbul: Güven Basimevi, 1947. – 216 s. (2-е издание на языке оригинала: Battal-Taymas Abdullah, 1917'den 1919'a Rus İhtilalin'den Hatıralar, 1. – İstanbul: Turan Kültür Vakfı, 2000. – 241 s.)

Баруди Г. Кызыльяр сәфәре. – Казан: “Иман” нәшрияты, 2004. – 167 б.

Габделбари Баттал – Габдулла Баттал-Таймас: фэнни-популяр жыентык / Төз. Занидуллина Д. Ф. – Казан: “Жыен”, 2023. – 528 б.

Исхакый Г. Көндәлекләр: 3 китапта. 1нче китап: 1919-1920 / Төз., текст, иск. һәм аңл. әзерл.: Э. Х. Алиева, Ф. Г. Фәйзуллин, Г. М. Ханнанова; кереш сүз авт. Д. Ф. Занидуллина. – Казан: ТӘhСИ, 2023. – 300 б.

Усманова Д. М. Милләт Мәжлесе тарихы (чыганакларда) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1996. – № 1. – С. 61-72.

Усманова Д. М. Первый Всероссийский мусульманский съезд 1917 г.: взгляд через столетие // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2021. – № 3. – С. 28.

Усманова Д. М. Шайхулла Алкин // Татарстан. – 1995. – № 9/10. – С. 112-116.

Хәйруллина В. Әлмәндәр муллалары // Безнең мирас. – 2024. – № 4. – Б. 24-29.

Юсупов М. Х. Галимҗан Баруди. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2003. – 208 с.

References

- Taymas Abdullah (Abdullah Battal-Taymas). Rus İhtilalin'den Hatiralar. I, 1917-1919* [The Memories of the Russian Revolution. 1]. Istanbul: Güven Basimevi publ., 1947, 216 p. (2nd edition in original: Battal-Taymas Abdullah, 1917'den 1919'a Rus İhtilalin'den Hatiralar, 1 [The Memories of the Russian Revolution. 1]. Istanbul: Turan Kültür Vakfi publ., 2000, 241 p.)
- Barudi G. *Kyzyl'yar sefere* [Travel to Petropavlovsk]. Kazan: "Iman" neshriyat publ., 2004, 167 p.
- Gabdelbari Battal – Gabdulla Battal-Tajmas: fenni-populyar jyenttyq. Toz. Zahidullina D. F.* [Gabdelbari Battal – Gabdulla Battal-Tajmas: a non-fiction collection Editor Zahidullina D. F.]. Kazan: "Jyen" publ., 2023, 528 p.
- Iskhaqqij G. *Kondelekler: 3 kitapta. Inche kitap: 1919-1920. Toz., tekst, isk. hem anl. ezerl.: A. Kh. Alieva, F. G. Fajzullin, G. M. Khannanova; keresh suz avt. D. F. Zahidullina* [The Diaries. In three books. 1 book: 1919-1920. Compiler and Editor of texts, notes and comments of the text D. F. Zahidullina]. Kazan, 2023, 300 p.
- Khayrullina V. *Almandar mullalary* [Mullahs of the Village Almenderovo]. IN: *Beznen miras* [Our heritage], 2024, no. 4, pp. 24-29.
- Usmanova D. M. *Millat Majlese tarikhy* (chyganaklarda) [History of the National Assembly (in sources)]. IN: *Gasyrler avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 1996, no. 1, pp. 61-72.
- Usmanova D. M. *Pervyj Vserossijskij musul'manskij s'ezd 1917 g.: vzglyad cherez stoletie* [The First All-Russian Muslim Congress of 1917: A Look Through the Century]. IN: *Gasyrler avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2021, no. 3, pp. 28.
- Usmanova D. M. *Shajkhulla Alkin*. IN: *Tatarstan*, 1995, no. 9/10, pp. 112-116.
- Yusupov M. Kh. *Galimdzhan Barudi*. Kazan: Tat. kn. izd-vo publ., 2003, 208 p.

Сведения об авторе

Усманова Диляра Миркасымовна, доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета, e-mail: dusmanova2000@mail.ru

About the author

Diliara M. Usmanova, Doctor of Historical Sciences, Professor at Kazan Federal University, e-mail: dusmanova2000@mail.ru

В редакцию статья поступила 01.09.2025, опубликована:

Усманова Д. М. Шайхулла Алкин: судьба молодого татарина в эпоху катастроф (к 130-летию со дня рождения) // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2025. – № 4. – С. 101-126.

Submitted on 01.09.2025, published:

Usmanova D. M. *Shaikhulla Alkin: sud'ba molodogo tatarina v epokhu katastrof (k 130-letiju so dnja rozhdenija)* [Shaihullah Alkin: The Fate of a Young Tatar in an Era of Catastrophes (to the 130th birthday)]. IN: *Gasyrler avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2025, no. 4, pp. 101-126.